

УДК 34 (091)

ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ (первая половина XIX в.)

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

В первой половине 19 века органы и должностные лица прокуратуры много внимания уделяли вопросам религии и вероисповедания. Этим занимались как Казанский губернский прокурор Г.И. Солнцев, работавший на этой должности с 1824 по 1844 год, так и его подчиненные на местах – уездные стряпчие. Наиболее распространенными являлись дела о раскольнических сектах, о переходе в другую религию и т.д.

В секретном указании от 24 января 1828 г. генерал-губернатор Бахметьев потребовал от Казанского гражданского губернатора обратить внимание на деятельность раскольнических сект. При этом самыми опасными он назвал секты перекрещенцев. Раскольников, которые подговаривают людей в свои секты, необходимо было преследовать, избивать и предавать суду, как «вредных развратителей»¹.

Списки раскольнических сект и их членов (пофамильно!) по г. Казани и Казанской губернии за 1828 г. составили целый пухлый том на 247 листах. Эти сведения собирали при помощи полиции и местных властей. Тут и старообрядцы, перекрещенцы, Спасово согласие, Поморские, скопцы, духоборцы, субботники и др.² Причем ведомости – списки раскольников по всем уездам, городам и деревням – составлялись ежегодно и доставлялись Казанскому гражданскому губернатору.

В мае 1827 г. Цивильский уездный стряпчий донес Казанскому губернскому прокурору Солнцеву Г.И. о том, что в уезде более 200 человек из нескольких деревень изъявили желание перейти из христианской веры в магометанскую. Это были крещеные татары. Они написали и отправили по почте соответствующее прошение на имя государя-императора. При этом крещеные татары объясняли, что их деды и прадеды были магометанской веры, что они живут вместе с татарами, и сейчас не исполняют правил ни той, ни другой веры. Правил христианской веры они не знают.

Как указано в прокурорских документах, крестьяне были вовлечены в это дело народной молвою – о якобы последовавшей на сей счет высочайшей воле государя. Солнцев Г.И. указал, что это «совершенно противопоказано государственным узаконениям», может принести для общества «зловредные последствия».

В связи с этими событиями Казанский губернский прокурор направил срочный циркуляр всем стряпчим – чтобы они «со всей осторожностью и благоразумием» приняли необходимые меры по прекращению подобных действий со стороны крещеных татар.

Кстати, в данном деле имеются сведения о том, что с прошением о возвращении к своей вере к царю обращались крещеные татары не только из Казанской, но и Симбирской губернии.

Указанные прошения рассматривались в Святейшем Правительствующем Синоде. Был и специальный Синодальный обер-прокурор, занимавшийся этими делами.

Но государство не хотело так просто отпустить крещеных татар обратно в свою веру. Наоборот, было предложено раздать им книги Ветхого завета на татарском языке, послать к ним священника для назидания колеблющихся и т.д. В конечном счете, «внушить кротким образом» христианскую веру, а кто окажется непреклонным, предать суду³.

Были случаи, когда суды по таким делам принимали решения о переселении крестьян в другие деревни. Например, тех, кто пытался вернуться в магометанскую веру (крещеных татар), могли направить на новое место жительства в старорусскую деревню. И там уже волей-неволей, когда вокруг тебя одни русские, придется соблюдать их обычаи, приобщаться к их вере. В общем, всеми правдами и неправдами пытались всех загнать в одну веру.

Интересно, что и уголовное законодательство того периода содержало нормы, которые, по сути, подталкивали людей к смене веры. Например, М. Динеев и Б. Байрашев из Свяжского уезда привлекались за лихоимство (взятие 400 рублей у обывателей деревни Нурлат) и прочие законопротивные поступки. Их дело рассматривалось в Казанской палате уголовного суда. Родной брат Динеева и мать Байрашева в феврале 1825 г. обратились к Казанскому губернскому прокурору Солнцеву Г.И. с прошением о том, что арестованные Динеев и Байрашев желают из магометанской веры вступить в христианскую веру с тем, чтобы их освободили от наказания, которое им будет назначено уголовным судом.

В марте 1825 г. арестованных Динеева и Байрашева в Свяжском тюремном замке посетили губернский секретарь Свечников и Свяжский городничий Гессель. Арестанты подтвердили свое согласие о переходе в греко-российское

исповедование христианской веры, о чем дали письменные показания⁴.

То есть законодательство того времени допускало возможность освобождения от назначенного судом наказания в случае перехода виновного-иноверца в христианскую веру.

Религиозные обычаи, обряды других народностей (инородцев) не одобрялись, более того, они преследовались, объявлялись преступными действиями. Сегодня обычным делом являются жертвоприношения мусульман, когда во время праздника курбан-байрам режут барана и приносят его в жертву аллаху. В те далекие годы все это делалось скрытно, и если становилось известно властям, то начинались преследования. Вот одна из типичных историй, которая отложилась в толстом деле Казанского губернского прокурора.

В ноябре 1827 г. Царевококшайский уездный стряпчий донес Казанскому губернскому прокурору о том, что под селом Варангуш собрались крещеные и некрещеные черемисы и вотяки из Казанской, Вятской, Костромской губерний — «для принесения какой-то жертвы, противной христианской религии». Узнав об этом, исправник Микулин, голова Уразлинского волостного управления, его писарь, уездный стряпчий, собрав из соседних деревень ясашных татар и русских (около 60 человек), 20 ноября 1827 г. явились в рощу у деревни Варангуш. Как следует из рапорта уездного стряпчего, для жертвоприношения собрались около четырех тысяч человек! В роще были поставлены столы, а на них — печеный хлеб со свечами. Был приготовлен и скот для принесения в жертву — около 400 голов! Стояли множество кадок, бочек, наполненных пивом и медом.

Когда исправник и другие прибывшие спросили у вотяков и черемис — по какому позволению они здесь собрались? — в ответ их окружили. Началась стычка. Исправнику Микулину угрожали убийством, его поколотили, он вытащил саблю, размахивая ею, вырвался из окружения и ускакал на лошади в Ураз-

линское волостное правление. Бывших вместе с исправником крестьян-татар и русских тоже побили и они все убежали с места столкновения. Одного татарина ранили топором в руку. Волостного главу даже связали. У казака Худякова в ходе стычки сломали пополам саблю. Несколько человек захватили его «в плен», но потом отпустили. Черемисы преследовали прибывших с вехами, жердями и оглоблями в руках. О случившемся срочно сообщили гражданскому губернатору, чтобы тот прислал солдат для ареста главных зачинщиков и бунтовщиков. Также сообщили и земскому суду — чтобы он прислал должностное лицо для увещевания собравшихся и приступил к следствию.

А по сути, ничего страшного эти люди не совершили и не собирались совершать. Оказалось, что четыре года назад градом побило хлеб у деревни Варангуш и других соседних деревень. И после этого каждый год был неурожай хлеба. Крестьяне задумались и договорились между собой: если будет хороший урожай, по древнему обычаю, от предков им переданному, провести моление и принести богу жертву. И вот летом 1827 г. случился, наконец, большой урожай хлеба. В августе крестьяне, желая исполнить свое обещание перед богом, отблагодарить его за урожай, договорились о принесении богу жертвы. Они известили своих единоплеменников, назначили день сбора — в ноябре в воскресный день в роще у деревни Варангуш.

Обряд происходил таким образом. У каждого дерева в роще поставили по столу. Так как народу собралось более четырех тысяч человек, то деревьев не хватило. Недостающие деревья выкопали в лесу и пересадили в рощу. Столы были сделаны в виде козлов, сверху их прибили досками, все столы были накрыты белыми скатертями. Эти скатерти были присланы в том числе женщинами и девками, находившимися в болезнях. В средней роще был подготовлен особый стол — божеский, царский. На столах стоял печеный хлеб, в

бураках — пиво и мед. На столах стояли зажженные молельные восковые свечи, и перед каждым столом на земле стояла большая свеча. При столах находились пожилых лет служители. На столы клали деньги, на царский больше, на другие — меньше.

Каждый приносил с собой свечу, а также холст. Само жертвоприношение состояло в закалывании скота: быков, коров, овец, а также гусей, уток и кур. Мясо варили и подавали присутствующим. Шкуру рогатого скота хозяева оставляли себе. Жертвоприношение длилось три дня, после чего все «разошлись по домам без всякого беспокойства». Причем в своих молитвах участвующие в жертвоприношении провозглашали молитвы и просили бога о даровании всякого благоденствия императорскому дому.

Все жертвоприношения проводились по древним черемисским обычаям. За скот, который приносился в жертву, платили хозяевам по его настоящей цене за счет собранных на столах денег. Деньги и холсты (отрезы) также отдавались и бедным.

В ходе следствия выяснилось, что в целом-то народ вел себя разумно и стычка произошла по вине исправника и прибывших с ним лиц. Когда исправник дал команду схватить одного из зачинщиков, то народ отбил его. Когда казак Худяков саблей стал сшибать со столов свечи, у него отобрали саблю и сломали. Волостного голову вначале связали, но потом отпустили.

Приехавшие вместе с исправником понятые особо не рвались избивать избивших их черемис и вотяков. Большинство показывали на то, что они не узнали тех, кто их бил. Черемисы и вотяки дружно отпирались. Зачинщиками по показаниям волостного головы и понятых были признаны семь человек. Однако достаточных доказательств в их виновности не было. Опасаясь акций протеста, их не стали подвергать тюремному заключению.

О случившемся известили и столицу. По поручению Святейшего Сино-

да, по повелению министра внутренних дел Казанское епархиальное начальство направило на место протоиерея Андрея Альбинского — для разбора дела об идолопоклонстве вотяков у деревни Варангуш. Он донес, что распространителями заблуждения якобы являются какие-то Микибай и Пектубай, которые совращают черемис к многобожию и идолопоклонству. Был составлен и список людей, участвовавших в обряде жертвоприношения.

Впоследствии данное дело было рассмотрено Царевококшайским уездным судом и в феврале 1829 года представлено на ревизию в Казанскую уголовную палату. Решение суда было таким. Крещеного Иванова Григория (он долго скрывался, но потом был пойман), зачинщика буйства, наказать плетью 45 ударов и сослать в Сибирь. Еще семерым определили по 4 недели ареста каждому, с последующей отдачей под присмотр односельчан.

Отдельное решение Казанская уголовная палата в апреле 1829 г. вынесла и в отношении Царевококшайского исправника Микулина. В его действиях никакого преступления не обнаружили, кроме одной только неосмотрительности, за что ему объявили замечание.

Интересно узнать содержание молитв, которые читались при этом жертвоприношении. Вот собранный следствием перечень пожеланий простых людей к богу. Итак, что просили у бога, о чем мечтали простые бедные люди?:

Кто Богу принес жертву, того спаси, помилуй и благослови здоровьем.

Родившихся детей награди Бог счастьем, чтобы они имели деньги, хлеб, пчел и скот.

Награди Бог и тем счастьем, чтобы пчелы в новый год отпустили от себя рои.

Когда рои пустят, умножь их медом.

В ловле зверей и птиц благослови Бог счастьем.

Награди Бог счастьем иметь серебро и золото.

Товар благослови Бог продать высокою ценой.

Какие есть сокровища на земле и во всем свете, Бог награди счастьем получить их.

Государевы подати заплати Бог пособи, в том счастья дай.

Когда наступит весна и мы пустим по трем дорогам скотину трех сортов, то ее от глубокой грязи, медведей, волков, воров помилуй.

Из оной скотины яловые были бы стельные.

Худые по счастью детей были бы жирными.

Когда намерены будем продать яловую скотину, то пошли Бог встретиться с добродушным купцом, которому бы ту скотину одною рукой отдать, а другою от него получить деньги.

В дальнем пути от худых и глупых людей, несносной болезни, злого и вздорного судьбы, коштана и кляузника, от руки злого человека и от языка зловерного Бог помилуй.

Как хмель полон и зрел, так и меня в жизни счастьем награди.

Как свеча горит светло, так меня жить сподоби и здравием награди.

Как воск тверд в своем осадке, так меня в жизни укрепи.

Голодного наевстись (наестся), в том спорынью дай.

И еще — в деле имеется список богов, которым поклонялись люди:

Бог Ильи Пророка,

Бог матери Ильи Пророка,

Бог пророка Ильи Пророка,

Бог ангела Ильи Пророка,

Бог государя,

Бог матери Государя.

Как отмечается в деле, список молитв получен «частно» — т.е. скорее всего через осведомителей⁵.

Уездные стряпчие время от времени сообщали Г.И. Солнцеву о появлении раскольнических сект, которые отошли с пути истинной христианской религии.

Например, в сентябре 1827 г. Тетюшский уездный стряпчий сообщал Казанскому губернскому прокурору о появлении раскольнической секты под названием «Спасово согласие» в количестве 60 человек. Причем эта секта по-

явилась после того, как в Тетюшах обособился купец, главный раскольник Феокист Стрелков.

В феврале 1828 г. Тетюшский уездный стряпчий снова бил тревогу, сообщая о том, что Стрелков продолжает вовлекать новых людей в свою секту.

О крестьянах, отошедших от христианской веры в раскольническую секту в селе Отарки, сообщал и Мамадышский уездный стряпчий⁶.

Казанский губернский прокурор, в свою очередь, эти сведения о сектах направлял Казанскому гражданскому губернатору, а также архиепископу.

В апреле 1827 года священник Сюкеевского приходского училища Тетюшского уезда Иоанн сообщал Казанскому губернскому прокурору о том, что многие крестьяне из данного села ушли в разные секты раскола, не отдают детей в училище для обучения их чтению и письму. Священник также сообщал, что это училище уже с 1825 г. стоит «совершенно праздным». Он просил содействия в том, чтобы крестьяне отдавали своих детей в училище для обучения грамоте⁷.

Лиц, состоящих в раскольнических сектах, запрещалось избирать к общественным должностям, и даже сборщиками. Их нельзя было определять в качестве опекунов. На всякие общественные должности могли быть назначены только лица православного вероисповедания. По этому поводу имелось предписание Правительства, за исполнением которого следила прокуратура.

Немало людей заключалось под стражу за религиозные преступления. Например, с ноября 1832 г. до февраля 1834 г. содержался в Чебоксарском тюремном замке мещанин Бочкарев. Обвинение — богохуление. Результат рассмотрения — освобожден из-под стражи.

С ноября 1832 г. содержались под стражей Дубров и его жена — за неповзвоненную отлучку, учиненную ими без письменных видов для богомоления в г. Киев. Их осудили в декабре 1833 г.,

мужа — к отдаче в военную службу, жену — в Сибирь на поселение.

Как видно из дел, людей осудили за то, что они молились другому богу⁸.

Среди преступлений против веры было и так называемое «совращение» — то есть склонение кого-либо путем насилия, угроз или обмана в то или иное вероисповедание. За такие преступления нередко привлекались священнослужители.

За совершение ряда преступлений (прелюбодеяние и др.) могло быть применено и такое наказание: «передать для очищения совести церковному покаянию духовной власти».

Кроме обычных российских законодательных актов, прокурору необходимо было знать и религиозные положения, которые также осуществляли регулирование определенных вопросов. Например, от рекрутской повинности (т.е. от армии) освобождались указные муллы и азанчеи. Этим часто пользовались указные муллы, которые определяли своих сыновей в азанчеи. Удобно ведь — в армию не возьмут, и потом свою должность можно передать сыну.

По поводу освобождения указных мулл и азанчеев от повинности действовало постановление Оренбургского Духовного Магометанского собрания. Именно оно и назначало на эти религиозные должности.

Когда возник такой вопрос в Казани, то Солнцев Г.И. написал запрос Оренбургскому губернскому прокурору. Тот в ответе подтвердил, что указные муллы и азанчеи освобождаются от рекрутской повинности, и приложил копию соответствующего постановления Оренбургского Духовного Магометанского собрания⁹.

Таким образом, в первой половине 19 века практика деятельности Казанского губернского прокурора и его подчиненных по рассмотрению и разрешению вопросов религии и вероисповедания была достаточно обширной и разнообразной.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 1, Опись 1, Дело 122.
- ² Национальный архив Республики Татарстан Фонд 1, Опись 1, Дело 120.
- ³ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 16, Дело 90.
- ⁴ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 14, Дело. 76.
- ⁵ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, опись 16, Дело 161.
- ⁶ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 16, Дело 131.
- ⁷ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 16, Дело 81.
- ⁸ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 22, Дело 175.
- ⁹ Национальный архив Республики Татарстан Фонд 14, Опись 17, Дело 178.

Аннотация

В статье освещается практика работы Казанского губернского прокурора Солнцева Г.И. и его подчиненных по разрешению вопросов религии и вероисповедания в первой половине XIX века.

Ключевые слова: история Казанской губернской прокуратуры, Казанский губернский прокурор Солнцев Г.И., XIX век, вопросы религии и вероисповедания.

Summary

The article deals with the practical work of Kazan Provincial prosecutor Solntsev G.I. and his inferiors which was aimed at solving the questions concerning religion and creed in the first half of the XIXth century.